

Алексей КОНДРАТЕНКО

Кондратенко Алексей Иванович родился в 1964 году в Воронеже. Автор десяти книг в жанре литературного очерка и множества публикаций в крупных журналах и газетах России. Очерки включены в хрестоматию для школ и вузов «Писатели Орловского края XX век». Лауреат всероссийских литературных премий «Вешние воды» и «Отечественное» имени Н.М. Карамзина, премии имени А.Г. Кузьмина журнала «Наш современник». Председатель правления Орловской областной организации Союза писателей России. Живёт в Орле.

ТРИ ЭТЮДА О ПОЭТАХ ВОЕННОЙ ПОРЫ

«ЗДЕСЬ ПОГИБ МОЙ СЫН ЛЮБИМЫЙ...» [ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ]

Павел Григорьевич Антокольский (1896—1978) вошёл в литературу, образно говоря, с театральных подмостков. На знаменитую трибуну Политехнического музея в Москве он, оборванец и полунищий, поднялся в 1920 году в «паршивых обмотках». Его привёл в самую известную в стране поэтическую аудиторию Валерий Брюсов. Позднее Антокольский скажет: «Октябрьская революция усыновила нас, детей войны». Он называл поэзию 1920-х годов поэзией «преодоления больших расстояний во времени и пространстве». А ещё были мучительные творческие поиски самим Антокольским народности, классического стиля...

Несмотря на известность, до войны он имел репутацию «поэта книжного». 1941 год призвал его, образно говоря, в солдатский строй. Работал истово: писал стихи, выступал перед красноармейцами, руководил творческим семинаром в Литинституте, был заместителем председателя комиссии

Союза писателей СССР по литературе для юношества.

В статье с символическим названием «Москва» (Известия, 1941, 5 июля) однозначно утверждал: «Исторические воспоминания глубокими чертами вгравированы в сознание каждого, чей родной язык — русский язык. Этому учит каждая пядь нашей земли, полная народной славы». В статье «Сим победиши», перечисляя периоды формирования культуры России, провёл мысль о бессмертии народа, чья история вместила «память и надежду, любовь к родной земле и самосознание отдельного человека». Отсылая современного читателя к временам Древнего Рима, высказывал убеждённость в неизбежной победе.

Сообщал в письме другу в ноябре 1941 года: «Что сказать о себе? Продолжаю дико работать, пишу всюду и всё, что от меня требуют». Те холодные месяцы в Москве казались ему похожими на зимовку на по-

лярной станции. Стужа, голод, узкий круг единомышленников — зато всех объединяет дружба, нет розни, склок, зависти и подлости...

А ещё Антокольский руководил театром (часто выезжали на фронт, в частности, в район Тулы). Там он, по собственному признанию (апрель 1942 года), видел много замечательных людей, особенно лётчиков.

6 июля 1942 года недалеко от Орла погиб его сын Владимир — 19-летний младший лейтенант, прибывший на фронт меньше месяца назад. Смерть сына настолько потрясла поэта, что он продолжал писать ему письма, мысленно разговаривать. Так родилась поэма «Сын», которая стала известна практически всем в Советском Союзе. Её строки были понятны и тем, кто потерял своих близких, и тем, кто всё ещё надеялся на чудо.

Не опоздай. Сядь рядом с ним на парте,
Пока погоня дверь не сорвала.
По крайней мере затемни на карте
В районе Жиздры, западней Орла,
Ту крохотную точку, на которой
Ему навеки постлана постель.

А вот два символических письма отца сыну, которые адресат уже никогда не получил и не прочёл:

«6 июля 1944 года. Любимый мой друг! Два года тому назад был такой же светлый день на берегу речки Рессета. И это был последний день твоей жизни. В тот день вы закончили двухсоткилометровый марш. Во время марша на отдых полагалось по 4 часа в сутки. Спали на голой земле. Ели на ходу. Форсировали реку. Тебе было указано остаться где-то в резерве, в тылу. Ты не захотел отстать от товарищей и оказался рядом с ними на переднем крае. Немцы вели шквальный, стелющийся по земле огонь. Ты

был в траншее, корректировал огонь своего орудия. Один из бойцов был ранен. Ты кинулся к нему. Тотчас же разрывная пуля пробила твою верхнюю губу и разорвалась во рту. Ещё горячий, с гибкими живыми мускулами, ещё не потеряв живого смуглого румянца, ты был мёртв. Ты ничего не увидел в жизни, кроме счастливого пёстрого детства и несчастной, трудной, подло оборванной юности, которая сразу навалилась на тебя — войной, мобилизацией, дальними расстояниями, тоской, одиночеством, лихорадочно быстрым возмужанием. Но жизнь твоя продолжается. Через поэму тебя узнали и полюбили десятки тысяч людей: отцов, матерей, сыновей и девушек. Ты будешь рядом со мною до последнего смертного часа. Всё, что я делаю, и всё, что сделаю ещё, посвящено тебе. Друг мой, солнышко моё, дорогой мой голубчик Вова, не покидай меня».

«13 июля 1944 года. Нет исхода чёрной тоске — как будто ты жив и стучишься ко мне горячими, сильными руками, и не могу я, никак не могу отворить тебе двери. И всю жизнь, все эти годы ты жадно хочешь вернуться и досказать, дожить, долюбить, дорасти всё, что тебе положено, и нет этому конца, нет исхода, и пройдёт ещё десять или сто лет, всё останется, как было: ты, молодой, полный сил и надежд, полный права на жизнь, любовь и счастье, обнявший в последнюю минуту воронёный автомат, на дне траншеи, уткнувший голову в колени. Ничего не кончилось — ни жизнь, ни смерть, ни любовь, ни обида, ни горе. Тебе — нет конца».

Потеряв сына, он стал говорить: «Война — школа страдания». Поэма «Сын» звучала как воплощение скорби, страшный счёт германскому фашизму. Это было сочувственное и мужественное рукопожатие поэта миллионам людей, потерявших близких на войне.

Старая любовь читателей к Антокольскому в одночасье наполнилась новыми смыслами. Очень высоко ценила «Сына» Ольга Берггольц. Поэма выдвигалась на Сталинскую премию ещё в 1943 году, но получила эту награду только в 1946 году.

Поэт неудержимо стремился попасть на место гибели сына. И такая возможность появилась. Корреспондент газеты 3-й армии «Боевое знамя» Семён Трегуб (литературовед, в довоенные годы один из ведущих журналистов «Правды») вспоминал: «Мысль о том, чтобы создать книгу, посвящённую освобождению Орла, возникла у нас в армии вскоре после того, как 5 августа 1943 года Москва салютовала в знак одержанной победы двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати орудий. Трём дивизиям присвоили тогда почётное звание «Орловских», две из них входили в состав 3-й армии».

28 августа 1943 года писательская бригада (Павел Антокольский, Борис Пастернак, Александр Серафимович, Константин Федин, Всеволод Иванов, вдова Николая Островского — Раиса) выехала из Москвы. 7 сентября Антокольский записал в дневнике: «Армия в движении, в марше... мы в течение недели были свидетелями переходов по 30—40 километров в день вдоль фронта. На этом лучше всего можно если не узнать, то почувствовать сложное и могучее хозяйство войны».

В эти дни родилось стихотворение Антокольского «Армия шла»:

Армия шла по орловской земле,
Мимо развалин, заросших бурьяном,
Рвов перекопанных, кладбищ в золе,
Танков, потерянных Гудерианом.
Красная Армия, цвет и краса
Нашего мужественного народа,
Шла по проселкам, входила в леса.

Ей откликалась лесная природа
Шелестом листьев и пеньем пичуг.
Мир просыпался. В предутреннем блеске
Дымно синели сквозь щели лачуг
Речки, овраги, поля, перелески.

Финал стихотворения был полон пафоса, но это не был кабинетный пафос, это был победный клич солдата-освободителя. Недаром Долматовский сказал тогда во всеулышание: «Считавшийся книжным поэтом Антокольский стал поэтом с чертами трибуна, которые подняли его и возвысили».

В мужестве спаяна, в правде пристрастна,
Армия шла и брала города,
Русскую землю, родное пространство.
Может быть, там ни печей, ни окон —
Только огонь по домам онемелым
Да одичалый германский закон
Блещет со стен, нацарапанный мелом.
Может быть, взгляд подлеца как свинец
За амбразурами тускло намечен...
Может быть! Но наступает конец.
Город не будет врагом онемечен.
Город и область воротятся к нам.
Так, оборону врага прорывая,
Жизнь возвращая людским племенам,
Армия шла — как весна мировая.
Да, как весна! Ибо был он таков,
Русский сентябрь сорок третьего года.
Благословенны на веки веков
Солнце его и его непогода.

Таким же «русским», «орловским» оказалось и другое стихотворение Антокольского — «Памяти Тургенева» (кстати, оно было напечатано в «Орловском альманахе» в первые послевоенные годы). Это одна из баллад, которые так удавались поэту. История, мифология, почти сказка... Но какая суровая и мудрая сказка!

Здесь, у Красивой Мечи, или в Спасском,
Или уйдя на Бежин луг чуть свет,
Влюбился в песню, спетую подпаском,
Орловский барин, умница поэт.
Был он высок, осанист и спокоен,
Любил бродить с двустволкой по лесам.

Есть у стихотворения, помимо Тургенева,
и два других героя: один — отважный партизан,
чем-то похожий на Тургенева — его земляк
и тезка, охотник, богатырь; и полная
противоположность первых двух — враг,
захватчик «геррберст» (т.е. старший офицер
вермахта). Между боями, в занятой орловской
деревне, чтобы печь не погасла, незванный
пришелец, не задумываясь, бросает книги
в огонь:

Он понимал, что никуда не выйдет
Из этой жаркой маленькой избы,
Что вьюга насмерть немцев ненавидит,
Что верстовые жуткие столбы
Не считаны.
И нет уже спасенья
Ни у печи, ни в поле, ни в лесу...
Рванув кольцо, шагнул с размаху в сени
Тот великан с двустволкой на весу.
Был он, как встарь, осанист и спокоен,
Никем не остановлен и не зван.
Нам лучше не спрашивать, какой он —
Товарищ Т., по имени Иван.
Он усмехнулся в бороду, усталых
Глаз не сводя с морозного стекла.
А там, в слоистых ледяных кристаллах,
Ракета красной каплею текла
И расплывалась. Но едва погасла —
В остывшей печке красный уголёк
Страницы книги тронул будто назло,
И красный блеск на великана лёг.
Завыла вьюга, бешено запенив
Косматый снег. Услышав: «Руки вверх!»,

Герр оберст вздрогнул:
«Кто это? Тургенев?»
...И партизан его не опроверг.

Полно лирики и дружеской солидарности
с бойцами стихотворение, казалось бы, с
всеми не подходящим для той поры названи-
ем «Леди Гамильтон»:

Это было в полуночном Брянском лесу.
Рассказал нам экран про чужую красу,
Про заморскую женщину с ясным лицом,
Со счастливою жизнью и горьким концом.

Поэт сам был удивлён этому непридуман-
ному парадоксу:

В старом Брянском лесу, у могучих дубов,
Услыхали бойцы про чужую любовь.
И запели бойцы о своей дорогой,
Как прощались-клялись
под крещенской пургой.
И один и другой, самокруткой дымя,
Вспоминали, что ждет не дождется семья.
Что вся милая жизнь продолжается в ней...
И хотелось им петь и нежней и грустней...

Пусть оторван от милой на тысячу лет,
Пусть устал и небрит, раньше времени сед,
Пусть огнем опалён,
до костей пропылён...
Защищающий родину — трижды влюблён.

В поездке августа — сентября 1943 года
Антокольский познакомился с поэтом Яковом
Хелемским, служившим в редакции газет
Брянского фронта «На разгром врага». По-отечески
поддержал его, без лишних церемоний просто
собрал стихи молодого коллеги в небольшую книжку,
которая была издана вскоре в Москве. Также в
Москве вышел солидный сборник, ставший ито-

гом поездки писательской бригады в освобождённые районы Орловской области. На этот успех обратили тогда внимание многие. Руководитель Союза писателей СССР Николай Тихонов в феврале 1944 года на одном из писательских пленумов так отозвался об Антокольском и его товарищах: «Хорошо поработали в частях». Имелись в виду, конечно, воинские части, тогда это было понятно без лишних дополнений.

Антокольский редактировал и рецензировал рукописи для издательства «Советский писатель» (в том числе рукописи Андрея Платонова), участвовал в конкурсе авторов текста гимна СССР. Старомодный «классицизм» Антокольского оказался необыкновенно востребован в годы войны. А сам он не раз возвращался к ставшей сердечно близкой Орловщине: в поэме «Ярославна», в стихотворениях «Жар-птица», «Сказка о матери», «В районе Жиздры»:

Война везде. Война во всём.
Мешок её заплечный
Мы и сквозь космос понесем,
На Путь прорвавшись Млечный.
Пусть бегут столетья мимо,
Годы медленно скользят.
Здесь погиб мой сын
Любимый
Сотни лет тому назад.

Даже победный май 1945 года не стал для Антокольского временем «демобилизации» из солдатского строя. Он призывал читателей заглянуть за исторический горизонт, задуматься о судьбах мира, только что спасённого от коричневой чумы фашизма. И радостью, и думой о будущем овеяно стихотворение с абсолютно точной датировкой

«Двадцать третье апреля 1945 года»:

Это значит, парня из Орла
Встретил паренёк из Сан-Франциско:
«Значит, мы живём друг к другу близко.
Значит, верно, что Земля кругла»...

Выступая на писательском пленуме, в конце мая 1945 года Антокольский с убеждённой бойца и творца говорил: «Отечественная война продолжается как внутреннее обязательство художников перед тем, что пережил народ... Мы обязаны принести на Запад тот свет, ради которого мы до сих пор жили, страдали, боролись и собираемся дальше страдать, бороться и жить... многое в умах Европы неблагоприятно... с этими равнодушными нам предстоит серьёзный разговор». Удивительно, но и спустя восемь десятилетий эти мысли Антокольского звучат очень верно и своевременно.

В послевоенные годы он иногда вспоминал об Орловщине, которую увидел в самые трагические её дни. Именно Орловщину, потому что, например, если прочесть множество стихов Антокольского, то встретишь Воронеж лишь раз, а Курск или Ростов — ни разу. Вот и в поэме «В переулке за Арбатом» герои в дальнем пути на какое-то время выходили на перрон именно орловского вокзала:

Но тут в окне огни, киоски —
Большой вокзал, перрон, Орёл.
Они прошли платформу молча,
Как дети, за руки держась.
Прошли, как два луча, сквозь толщу
Чужих, нелюбопытных глаз.

Там, где-то западнее Орла, на месте гибели сына, навсегда осталась частица души большого и мудрого поэта.

**«ЗУБЫ СТИСНУВ, МЫ ШЕПТАЛИ:
ПОЩАДЫ, ПОДЛЫЙ ВРАГ, НЕ ЖДИ!»
[МИХАИЛ АМЕТИСТОВ]**

Военное стихотворение «Девушка из Мценска» довольно часто можно встретить на страницах книг, альманахов, изданных в последнее время на Орловщине. А вот об авторе этих стихов, Михаиле Евгеньевиче Амелистове (1909—1985), составители читателей почему-то не рассказывают...

Михаил Амелистов родился в семье священника в кубанском городке Темрюке. Бурные события конца 1920-х годов забросили его в Воронеж. Работал на электростанции и писал статьи и заметки в воронежскую газету «Коммуна», причём подписывал их не своей «поповской» фамилией, а псевдонимом в духе времени — «Мих. Чужой».

А ещё писал стихи, такие, например, как «Сосны»:

В соснах чуток
Каждый снежный шорох.
Небо —
Глазу —
Омут.
Тонут сосны,
В солнечных озерах
Тонут.
Сыплют иглы.
Звоны переливно
В шорох,
В солнце,
В сини...

Шесть лет служил на Балтийском флоте. Михаил Амелистов был уже признанным журналистом, когда в начале 1938 года его отца Евгения Васильевича, в то время архиепископа Карельского, арестовали и расстреляли.

Но о гибели отца сын узнал только много лет спустя. Не с кем ему было поделиться своей болью. И всё чаще грустные думы становились стихотворениями. Амелистов печатался в альманахе «Литературный Воронеж», выходили в свет написанные им брошюры на злободневные темы тех предвоенных дней.

На фронт он пошёл добровольцем. Был назначен на должность поэта в редакции газеты 3-й армии «Боевое знамя». Воевал в районе Ливен. Здесь в ноябре 1941 года Амелистов был контужен. Более четверти века спустя он вспоминал о феврале 1942 года: «Добираясь от Ельца до Черни на попутных машинах по слякотным дорогам, мы, группа офицеров, читали указатели с названиями деревень и, пожалуй, незаметно для себя оказались в самом центре литературной России, а потом заговорили об этом. По тогдашним временам разговор был необычным. Вспоминали Хоря и Калиныча, Касьяна с Красивой Мечи, леди Макбет из Мценска, бунинские дивные рассказы и многое другое, что было тогда особенно близко сердцу... Мне предстояло воевать в самом сердце тургеневской родины, в местах где писал он: “На тысячу вёрст кругом Россия — родной край”. Военная судьба на полтора года поселила меня здесь. И сколько километров выхожено по Тульской и Орловской областям, сосчитать теперь невозможно».

Вот строки из писем Амелистова жене:

«Дорогая Рая! Что ж тебе написать, глядя на портрет? Немногое, но много! Жду встречи, жизни, не хочу умирать — думаю, что проживём ещё! Вот, пожалуй, и всё» (август 1942 года).

«Всё брожу по частям, нет времени на остановке сесть, сосредоточиться. А сейчас вот раннее утро, передний край совсем рядом, я сижу за самодельным столиком на опушке леса — в гостях у зенитчиков-пулемётчиков и пишу. Только что они меня «купали». Построили «баню». Баня эта вырыта на склоне оврага. Соломенные стены, пол чистый и сверху на крыше землянки — бочка, подогреваемая костром. От неё — шланг и душ. Чудесно выкупаться. Человеку и на войне порой хочется хоть отдаленно напоминающее мирное жильё...

А совсем недалеко на высотках стреляют. Слышно, как длительно подвывают пули, время от времени рвёт воздух короткая очередь пулемёта. От врагов нас отделяет неглубокая река. Там — на другой стороне — явственно видны деревни, такие же, как и у нас, разрушенные дома и безлюдье, безлюдье, безлюдье. Изредка покажется неосторожный немец. Его можно считать мертвецом. Снайпера-охотники следят непрерывно, ежедневно» (сентябрь 1942 года).

Аметистов не раз писал о лучших снайперах 3-й армии. Поручили ему подготовить в газету подробный (на целый номер) отчёт со слёта метких стрелков, который был организован командованием армии в Спасском-Лутвинове, в усадьбе великого писателя.

Он вспоминал позднее: «В руинах усадебной церкви состоялся литературный митинг. Ораторы говорили о решимости изгнать оккупантов из пределов родной земли, добить их в фашистском логове; говорили о любви к Родине и её литературе. Помню, что один из солдат — поэт читал свои стихи об осквернённом врагами тургеневском парке, где лежал расстрелянный фашистами бюст писателя, зияли чернотой выбитые окна дома, о котором было столько написано...»

Аметистову запомнился рассказ одного из снайперов, который был родом с Донбасса. Однажды ночью, зимой, красноармейцы слышали чей-то стон. Оказалось, до наших позиций «с той стороны» из последних сил пробралась девушка... Так сложилось стихотворение:

Метались чёртовы ракеты,
Размазывая ночи грязь,
Когда босой, полуодетой
Она к землянке добралась.

Мы встретили её сурово:
На то военная пора.
Как знать, что не шпиона злого
К нам присыпает немчура?

Она присела сиротливо
И оперлась о край стола,
И чёрной струйкой торопливо
По синей блузке кровь текла.

Когда ж, поспешно вскрыв пакеты,
Мы стали рану бинтовать,
Такое при коптилок свете
Нам удалось увидеть,

Что, зубы стиснув, мы шептали:
Пощады, подлый враг, не жди!
— Лучи звезды огнём зияли
На нежной девичьей груди...

Она о муках, о страданиях
Могла немного рассказать.
Какому-то сержанту Ване
Привет просила передать.

Потом заплакала, промолвив,
Что в Мценске под горой жила,

Потом забылась, что-то вспомнив,
А к утру... к утру умерла.

Её в лесу похоронили,
Как друга, павшего в боях,
В почетном карауле стыли,
И грустный вальс играл баян.

И поклялись мы клятвой тою,
Возврата от которой нет,
Что мстью воздадим святою,
Какой ещё не видел свет!

За всё, за всё с врагом расплата!
Наш штык везде его найдёт.
За то, что в белом ладном платье
Она к подружке не придёт.

Что на вечерке не станцует,
Что холодна её рука,
Что в губы уж не поцелует
Удачливого паренька.

И мы друг другу слово дали:
Как только с боем Мценск возьмём,
На боевой горячей стали
Её мы прах перенесём.

На лучшей площади положим,
Цветов прольём душистый дождь,
Чтоб муравой весенних стёжек
К ней приходила молодёжь...

Ещё одно стихотворение о герое было посвящено Николаю Морозу, который, погибая, бросил гранаты во вражеский взвод:

...Он в память себе вписал
Всё, что считал своим,
В вёсны, в лето, в пургу...

Даже над хатой дым
Он не отдал бы врагу!
Всё, что таилось в нём,
Всё, чем он жил и дышал...
И загорелась огнём
Русского парня душа!

Мстить врагу за погибших, за разрушения, за злодеяния... Аметистову принадлежит стихотворение «Убей»:

Бей врага без жалости,
Пусть поганых кровь
Побежит ручьями, реками пойдёт,
К морю-океану
Горе унесёт.
Где б с врагом ни встретился,
Беспощаден будь.
Соверши, товарищ,
Справедливый суд!

Этот же призыв к яростной борьбе — в стихотворении «Истребитель танков»:

Так громи, сокрушай,
Бей и силой, и сметкой,
Русской хитростью бей,
Защищая свой край!
Бей бутылкой с горючим!
Бей гранатой гремучей!
Бей, чем можешь, чем хочешь,
Но вперёд не пускай!

3-я армия долго стояла в обороне в Орловской области, а под командованием генерала А.В. Горбатова пошла в наступление — это были знаменитые Орловская и Брянская операции 1943 года. Аметистов стал одним из летописцев тех героических дней.

В его наградном листе, датированном июлем 1943 года, отмечалось: «Во время

всех наступательных боёв нашей армии постоянно находился на передовых позициях. Он умело и оперативно показывает в газете отличившихся в боях героев и их подвиги. Материалы Аметистова воспитывают у фронтовиков чувство лютой ненависти к немецким захватчикам». Аметистов тогда был награждён орденом Красной Звезды, позднее — двумя орденами Отечественной войны II степени.

Он писал сыну Эрику: «Меня наградили орденом Красной Звезды. Посылаю нашу газету, где в списке награждённых ты найдёшь и мою (а значит, и твою) фамилию. Орден, Эринька, — большая награда, и я его получил за то, что точно выполнял все приказы, без страха участвовал в боях и, как другие, вместе со всеми, защищал мою, нашу Родину. Запомни это, сыночек».

Аметистов вспоминал: «Пятого августа 1943 года наша армия освободила Орёл. По дороге к нему мы потеряли немало героев, но живые на рассвете этого августовского дня ворвались на городские окраины и в центр. Я был с солдатами из полка майора Плотникова и вместе с его сапёрами вошёл в здание музея Тургенева. Мы прошли по пустым комнатам со взломанными полами, со стенами, испещрёнными пошлейшими надписями и рисунками. Здесь гитлеровцы устроили казино...»

В освобождённом Воронеже бережно собрали присланные Аметистовым стихи и издали в 1943 году в виде небольшой книжки под названием «У переднего края». В неё вошли стихотворения «Сталин с нами», «Знамя Гвардии», «Землякам», «Девушка из Мценска», «Страна с тобой», «Николай Мороз», «Истребитель танков»... Завершало сборничек фронтового формата стихотво-

рение о старом дубе. В таком понятном каждому русскому человеку образе (вспомним тургеневский дуб или известный со школьных лет дуб Андрея Болконского в «Войне и мире») Аметистов слал читателю надежду на то, что когда-то закончится лихолетье и жизнь восторжествует над смертью и горем:

Свистя, дымясь, сгорая на ходу,
Разрезав небо жаркой полосой,
Снаряд ударил в вековечный дуб
И снег усеял свежеею щепой.
И падали осколки, зашипев,
В глубокий снег, насквозь его пронзая.
Без ветра дуб качался и скрипел,
Как бы друзей на помощь созывая.
Смыкалась вокруг лесная тишина,
Туманы шли, и не было подмоги...
Но день настал — широкая весна
Вперёд пошла, не требуя дороги.
Пусть ствол у дуба раной обнажён,
Земля родная соками богата!
Он порослью весёлой окружён
Его побеги — крепкие ребята,
Они стоят зелёною стеной,
А у корней — та смерть, что пролетала,
Лежит осколком, скрытая травой...
Как жалок он, кусок
заржавленный металла!

Евгений Долматовский в своей книге «Автографы Победы» рассказал о таком военном эпизоде: «Интересно вспомнить, что в тот же день (7 мая 1945 года) мой друг с довоенных времён, воронежский поэт Михаил Аметистов направился в рейхстаг... Узнав, что мы все расписались на рейхстаге, Миша Аметистов решил последовать нашему примеру. Но подойдя к рейхстагу, он увидел свою редкую фамилию на колон-

не и узнал почерк младшего брата Виктора (инициалов на колонне не было). Значит, Виктор жив! Сведений о нём не имелось давненько, и мать писала Михаилу из Воронежа тревожные письма. И надо же — колонна рейхстага произвела такое успокоительное действие: она стала доброй вестью. Миша Аметистов, убедившись, что младший брат опередил его, расписываться уже не стал: столь приметной фамилии, по его убеждению, достаточно один раз появиться».

После войны Михаил Аметистов снова работал в Воронеже, в редакции газеты, потом в Краснодаре, Сталинграде, в Москве — в

Агентстве печати «Новости». Сын Эрнест (его называли в честь Эрнста Тельмана) стал известным юристом, профессором международного права, судьёй Конституционного суда России.

Михаил Евгеньевич как журналист и ветеран войны не раз приезжал в Орёл. Бывал и в Спасском-Лутовинове, поклонился тургеневскому дубу, вокруг которого когда-то собирались бойцы Великой Отечественной... В юбилейном номере воронежского литературного журнала «Подъём», посвящённом 150-летию со дня рождения И.С. Тургенева, напечатали очерк Аметистова «На тысячу вёрст кругом Россия».

«ТАК БРАТСТВО НАЧИНАЛОСЬ» [ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС]

Эдуардас Беняминович Межелайтис родился 3 октября 1919 года в деревне Карейвишкяй Шавельского уезда Ковенской губернии (теперь это территория Литвы). Его отец был рабочим, мать учительницей, дед — столяром и плотником.

В 1923 году семья переехала в Каунас, здесь Эдуардас учился в гимназии, где литературу преподавала Саломея Нерис — поэтесса и коммунистка-подпольщица. Её политические взгляды сильно повлияли на сознание гимназиста. Уже в 15 лет Межелайтис состоял в подпольной комсомольской организации, чуть позже в печати появились его первые стихи.

Учился на юридическом факультете университета, был горячим сторонником вхождения Литвы в состав Советского Союза. Когда это произошло, стал работать в редакции комсомольской газеты. С началом Великой Отечественной войны был в эвакуа-

ции, работал на заводе в Пензенской области. В 1942 году его призвали в армию. Как и в прежнее время, стал журналистом — в газете 16-й Литовской стрелковой дивизии «Родина зовёт».

Прежде чем, чем вступить в бой, дивизия какое-то время провела на тульской земле — сначала в районе Ясной Поляны, потом в самой Туле. Так сложилось, что в почти мирной обстановке бойцы много читали — и Толстого, и Константина Симонова, и Николая Островского. Почти все побывали в усадьбе-музее великого писателя; двери областной библиотеки были распахнуты для красноармейцев и командиров, издания выдавали на руки — особым спросом пользовались книги на военные темы, о полководцах... В дивизионной газете поместили стихотворение Саломеи Нерис «Жди меня» на мотив симоновского, но абсолютно авторское, полное лирики. Межелайтис видел, как

молодые солдаты переписывают эти стихи, заучивают наизусть. Велика сила талантливого слова!

В землянке или в шалаше
Плечом к плечу,
Душа к душе, —
Так братство начиналось.

В январе 1943 года 16-я Литовская дивизия маршем прибыла на орловскую землю. У всех решительное настроение: «Идём штурмовать Орёл!» Но впереди были ещё затяжные позиционные бои. И были не только маленькие победы, но и потери. В марте в дивизионной газете напечатали некролог, посвященный памяти молодых писателей:

«Пробитые вражескими пулями, в священной борьбе против фашизма перестали биться горячие, мужественные сердца наших молодых писателей И. Битайтиса, Б. Кирстукаса, Ш. Иохелиса и М. Глухаса, сражавшихся с оружием в руках среди буранов и вьюг на заснеженной земле Родины.

Погибшие товарищи больше жизни любили свободу своей страны, они отдали свою молодую жизнь во имя свободы и мирной жизни Советской Литвы, во имя будущего расцвета её культуры.

Молодые товарищи погибли, так и не успев полностью раскрыть свои таланты. Их творческая деятельность была преждевременно прервана врагом. Но в памяти литовского народа навсегда сохранятся их имена. Возмездие врагу и борьба до полной победы — таково написанное кровью завещание павших!»

Некролог подписали литовские писатели и деятели культуры П. Цвирка, Л. Гира, Э. Межелайтис, С. Нерис, И. Шимкус, А. Вянцловас... А ведь и сам Межелайтис мог

тогда оказаться не среди подписавших прощальные строки, а в списке погибших. Той утратой были навеяны строки:

Я погиб под Орлом в наступленье...
Прорастает ковыль сквозь меня.
Солнца ливень...
И птичье паренье
На экране лазурного дня.
Кукованья не слышу кукушек,
Я не слышу, как сосны растут.
Под землёю сырою мне душно,
Над землёю ромашки цветут!...
Я погиб в штыковой атаке.
Вмиг померкла глаз синева.
Небосвод — на меня!
Я — на злаки...
Рот забили земля и трава...
В небе — солнца сияющий слиток.
Стая жаворонков пронеслась.
Мы лежим под Орлом. Мы убиты.
Нет нас с вами. Но —
вспомните! — нас.

Писатели лейтенант Балис Кирстукас (1912—1943), сержант Шлема Иохелис (1920(1923)—1943), красноармеец Моисей Глухас (1909—1943) — все они погибли в районе орловской деревни Алексеевка 22 февраля. Красноармеец Иозас Битайтис (1920—1943) умер там же от ран 25 февраля. Живым предстояло идти вперёд, продолжить дело павших — и на литературном поприще тоже.

Полковник Е.Я. Яцовскис в книге «Забвению не подлежит» (М., 1985) вспоминал: «В селе Никольское в редакцию газеты «Родина зовёт» зашёл поэт Эдуардас Межелайтис. Привёл его к нам офицер нашей дивизии, писатель Йонас Марцинкявичюс, с которым время от времени мы встречались в политот-

деле дивизии, в редакции «Родина зовёт», иногда в полках. На следующий день я встретил Межелайтиса на главной улице села. Он рассказал, что в одном уцелевшем доме, где несколько дней тому назад размещался штаб гитлеровцев, он обнаружил немало интересных документов изменников Родины — властовцев, и среди них различную литературу на литовском языке. Эдуардас предположил, что здесь находился вооружённый отряд литовских буржуазных националистов — пособников гитлеровских оккупантов».

Межелайтис писал в автобиографии: «По велению судьбы довелось нам, литовцам, освободить у годуновских Кром маленькую русскую деревеньку. Звалась она Литвой. Со слезами на глазах сквозь огненный шквал ворвались мы в это дымившееся пожаром селение.

И вдруг я почувствовал себя в родном краю. Путь от деревушки Литвы до настоящей Литвы сократился вдвое. Расстояние — это не только география. Это также и уверенность!

В деревне Литва нашёл я целебный бальзам от тоски по родине».

Об этом — в его стихотворении «Если мимо пройдёшь»:

Есть в России степная равнина...
Об Орловщине память жива...
Деревушку в пуху тополином
Называют в народе — Литва...

Близко слышали грохот орудий
Палисадники, избы и пруд...
Здесь простые и скромные люди
Любят труд свой и мирно живут...

Мой товарищ! Зимой или летом,
Если мимо проляжет твой путь,

Не забудь — деревушку проведай,
Постарайся туда заглянуть.

Мы товарищей там потеряли.
Уцелевшие в буре войны, —
Там отважно боролись и пали
Нашей родины славной сыны...

(перевод А. Клёнова).

«Лето 1943 года под Орлом» — такими были «адрес» и датировка стихотворения «Поцелуй»:

Умирает солдат...
Погибает герой...
Рану горстью земли зажимает,
И глотает земля раскалённую кровь,
кровь багрит её и зажигает.
(А земле бы не крови испить, а воды.
А земля умоляет солдата:
Ты засеи меня хлебом, взрасти мне сады,
и воздам я за это стократы!)

Перед тем, как солдату совсем погибать,
приподнялся солдат на мгновенье
и кровавую землю прижимает к губам,
и целует,
и просит прощенья...
Умирает солдат...

(перевод Б. Слуцкого).

В 1944 году, когда Литва была освобождена, Межелайтиса «перебрасывают» на мирный фронт — становится секретарём ЦК комсомола республики. Но о войне он уже никогда не забывал, говорил о ней просто: «Бомба в сердце мне попала».

В 1946 году его сняли с должности, жёстко прорабатывали за «безыдейность». Он возвратился на журналистскую работу, много сил и времени отдавал поэзии. Выходят сборники его стихов. И в каждом — память о 1943 годе:

Помнишь, под Орлом, при свете скудном,
В блиндаже, под грохот батарей,
Мы читали: «...помирать нетрудно,
Сделать жизнь значительно трудней...»

(поэма «Секретарь»).

Откуда дружбу он принёс,
С каких полей Европы?
Об этом знают волжский плёс
И мценские окопы...

Он знамя века под Орлом
В бою держал высоко
И с ним вернулся в отчий дом,
Шагая издалёка

(«Братская поэма»).

В 1954 году Межелайтиса избирают секретарём правления Союза писателей Литвы, спустя пять лет становится председателем правления. Более трёх десятилетий был секретарём правления Союза писателей СССР.

Межелайтиса увлекали любовь к природе, к народной поэзии. Он много путешествовал по свету, не раз бывал и на Орловщине, в самом Орле. Сцена и стены клуба завода «Текмаш» помнят множество интересных гостей и встреч. Одна из них — с литовскими поэтами в середине мая 1960 года. Тогда в Орёл приехали Эдуардас Межелайтис, Антанас Венцлова, Юстинас Марцинкявичюс, Юдита Ванчюнайте, а также москвичи поэты Вероника Тушнова и Василий Захарченко, критик Владимир Огнев. Вместе с поэтом Дмитрием Блыньским, журналистом и поэтом Петром Николаевым, редактором «Орловской правды» Иваном Патенковым они посетили места боёв 16-й Литовской стрелковой дивизии в Покровском и Свердловском районах, провели встречи со студентами пединститута, молодыми строителями, писателями и журналистами. Были

митинги в сёлах Алексеевка, Никольское. В заводском клубе «Текмаша» читали стихи, вспоминали о войне, отвечали на вопросы зрителей.

Межелайтис вскоре написал Патенкову: «Благодарю Вас за газеты и снимки, присланные мне. Хорошая встреча, оказанная нам в Орле, никогда не забудется. Наша дружба ещё более окрепла в эти дни. Просим не забывать и дальше глубоко признательных Вам литовских товарищей».

Тогда же родилась идея издать сборник писателей Вильнюса и Орла, посвящённый боям на Орловщине, а ещё обмениваться литературными страницами в литовских и орловских газетах...

Межелайтис был на пике славы, причём и в СССР, и в других странах его воспринимали не только как талантливого поэта, но и как политика, народного дипломата, который обращался к людям всей Земли с ярким поэтическим словом, окрашенным тревогой за судьбу человечества.

В 1962 году за сборник стихов «Человек» Межелайтис был удостоен Ленинской премии. А в следующем году недалеко от братской могилы в Алексеевке был заложен Сад дружбы, 600 яблонь для которого (по числу погибших воинов, по данным того времени) привёз председатель литовского колхоза Витаутас Руткаускас, один из самых активных ветеранов 16-й дивизии. На братской могиле в Алексеевке был установлен привезённый из Литвы гранитный памятник.

Патенков был в Литве на праздновании 20-летия освобождения Вильнюса, встречался с Межелайтисом, тот передал привет орловским друзьям. Дмитрий Блыньский писал ему: «Я часто вспоминаю нашу поездку по Орловщине и — в частности — наше посещение села Никольского. Это были полные, густые от впечатлений дни, и их забыть

невозможно». Блынский послал Межелайтису новую книгу, своё стихотворение «Литовцы на Орловщине» («Орловская правда» напечатал эти стихи 6 сентября 1964 года) и добавил: «Надеюсь написать о нашей дружбе — о дружбе русских и литовцев — ещё не одно стихотворение». Межелайтис откликнулся телеграммой: «Благодарю за интересную книгу, за стихи. Я рад, что наша дружба ещё окрепла. Желаю счастья и поэзии».

К несчастью, Иван Патенков и Дмитрий Блынский вскоре ушли из жизни. Межелайтис же все последующие годы не переставал работать над военной темой. Впечатления лета 1943-го нашли отражение в стихотворениях «Раненый голос», «Если мимо пройдёшь», в балладе «Звезда и роза». Боям литовской дивизии на Орловщине была посвящена и блокнотная поэма (так сам автор определил жанр) «Птицы ничейной полосы». Она оказалась одним из самых масштабных произведений Межелайтиса — в сборнике «Клочок небес» (Вильнюс, 1981) заняла почти 80 страниц увеличенного формата, к тому же здесь она была напечатана в сокращённом варианте (перевод Леонида Миля).

В начале 1980-х к Межелайтису обратились сотрудники орловского музея И.С. Тургенева — в канун 60-летия СССР они собирали сведения о писателях братских республик, биографически связанных с Орловщиной. Поэт тогда написал директору музея Н.М. Кирилловской: «Я глубоко тронут — спасибо Вам за память, за то, что не забыли и Э. Межелайтиса, который, действительно,

принимал участие в Орловской битве. Этих трагических дней я никогда не забуду».

На подаренной музею книге «Клочок небес» он сделал такую дарственную надпись: «Государственному музею Ивана Сергеевича Тургенева в Орле — на память об Орловской битве. Успеха и большого счастья моему незабываемому Орлу! От всего сердца. Э. Межелайтис».

Эдуардас Межелайтис вошёл в историю как один из самых выдающихся поэтов Литвы. В его творческом арсенале были не только стихи и поэмы, но и стихи для детей, поэтическая публицистика. Его много переводили, он сам переводил на литовский язык Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Маршака. Герой Социалистического Труда, народный поэт Литовской ССР, кавалер восьми орденов. И в переломные 1990-е годы не отрёкся от своих взглядов. Умер 6 июня 1997 года.

Так получилось, что Межелайтис ныне почти забыт. В Литве — по понятным причинам. В России о нём тоже почти не говорят — ведь не принадлежал к числу поэтов, живших в прежнее время на территории Российской Федерации. В Орле о нём, одном из самых известных бойцов 16-й Литовской дивизии, нередко вспоминают — но только в перечислительном ряду имён других поэтов Великой Отечественной войны. Однако у литературы свои законы, у неё нет границ и рамок времени. Поэтическая философия Межелайтиса, его исповедь воина и поэта ещё найдут благодарного читателя в России и, будем надеяться, в Литве.